

«РЫСКАНИЕ ПО АТТРАКТОРУ», ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ В ЭПОХУ СМЕНЫ ГЕГЕМОНА

Глобальные риски и стратегия управления

Ужесточение глобальной конкуренции, отражающееся в резко возросшей турбулентности международных отношений, происходит в условиях быстро разворачивающейся технологической революции, описываемой как цифровизация и индустриализация 4.0. Сочетание этих процессов на фоне известного «демографического перехода», миграции и трансформаций массовых стереотипов мировосприятия и поведения провоцирует сдвиг ключевых глобальных рисков в «оранжевую» и «красную» зоны.

Положение усугубляется невероятным темпом перемен, резким сокращением времени между формулированием идей и их воплощением. Мировая экономика расслаивается на три сектора, имеющих трансграничный характер: производство традиционных товаров, финансовый сектор и сверхрентабельная «информационная экономика», вплотную подошедшая к массовому производству форм виртуального сознания и соответствующих ему инструментов и платформ. При этом фокус глобальной конкуренции сдвигается в сферу моделей управления и стоящих за ними систем цивилизационных ценностей и культур. Эти изменения непосредственно влияют на базовые характеристики мировой экономической системы, восходящие к валютно-финансовой гегемонии.

¹ Генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», доктор экономических наук, профессор. Автор более 700 научных, публицистических и литературных публикаций, в т. ч. «Смена гегемона», «Предпринимательство», «Преображение», «Россия в новой экономической реальности» (в соавт.), «Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государства (на примере России и Китая)», «Нефть Евразии», «Интегрированная отчетность: вызов менеджменту» и др.

По сути, в настоящее время речь идет об антропологическом вызове, смысл которого в том, что быстро складываются мощные технологические возможности для форматирования желаемого целевого состояния массового сознания, типа общества и его технологической базы. Соответственно, быстро разворачивается конкуренция акторов за разработку этого желаемого состояния общества и упреждающее создание преимуществ в будущем.

Особенность современного момента представляется в том, что после некоторого периода неприятия подобного, по сути социального, проектирования в явном виде выдвигается цель создания нового типа человека и человекоподобных систем с расчетом на контроль их полного жизненного цикла. Технологии проектирования новых типов сознания связаны с доминирующей ролью нематериальных активов в успехе ведущих мировых корпораций, а также с появлением в ближайшем будущем искусственных систем, включающих самосознание и имитацию чувственной сферы. Речь идет о возможности реализации подобных проектов в глобальном и субглобальном масштабах.

Оценки, которые ежегодно делает Всемирный экономический форум, показывают растущую озабоченность политической, деловой и экспертной элит непредсказуемостью последствий, к которым приводит вал технологических инноваций, особенно в киберпространстве. Мобильный Интернет, Интернет вещей, облачные вычисления, прогресс в генетике и биотехнологиях, радикальное изменение содержания труда и рабочих мест, интеграция с нервной системой человека, использование новых видов энергии, формирование целевых идентичностей через игры и разного рода субкультуры — все это составляет ядро происходящего прорыва, не только открывающего огромные возможности, но и таящего серьезные риски. Технологические риски тесно переплетаются с социальными и геополитическими. Угроза обрушения мировой финансовой системы, дефицит воды и продовольствия, ожидаемые природные

катаклизмы — и все это на фоне мировой нестабильности, множащихся локальных конфликтов и острой конкуренции интеграционных мегапроектов. Драматизма ситуации добавляют множественный подрыв международной правовой системы и интенсивное применение методов гиперконкуренции, колеблющих сами основы рынка и дающих новые монопольные привилегии отдельным игрокам в ущерб большинству других заинтересованных сторон.

Все это задает новые требования к качеству управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием и долгосрочными стратегическими рисками. Решение этого класса задач стоит на повестке дня ведущих государств, интеграционных объединений и системообразующих корпораций. Актуальны эти проблемы и для России. Многие подходы и институты, ранее представлявшие работоспособными, уже не соответствуют ни нынешним рискам, ни имеющимся возможностям (в том числе информационно-технологическим), ни социальным настроениям и ожиданиям.

Однако принципиальное значение в этой обстановке быстрых перемен и выработки возможных способов управления имеет понимание глубинных свойств современной мировой системы, генеалогия которых восходит к ключевым событиям и процессам XX века.

Проблема валютной гегемонии

Наибольшее влияние в мировой экономике имеет та валюта, которая эмитируется самой экономически мощной державой и вокруг которой формируется вся подчиненная ей структура мировой монетарной системы. В XIX веке таковой стала система, основанная на «золотом стандарте», «жестком курсе валют», а главное — на британском технологическом и экономическом превосходстве и, соответственно, фунте стерлингов. В период с 1913 по 1945 год, ознаменовавшийся переделом сфер влияния в ходе мировых войн, на роль мирового валютного гегемона выдвинулись США.

Как подчеркнул Р. Манделл, нобелевский лауреат по экономике, «большинство политических изменений, имевших место в XX веке, были порождены мало осмысленными пока что пертурбациями международной валютной системы, которые в свою очередь явились следствием подъема США и просчетов их финансового рычага — Федеральной резервной системы». Стоит, однако, заметить, что не все «просчеты ФРС» были ошибкой.

Резкий рост экономической мощи США в начале XX века, по справедливому мнению Ван дер Вее, позволял им установить контроль над Западной Европой уже к 1919 году: США «должны были занять место Великобритании как “главы мира”», согласующего мировую торговлю, инвестиции и расчеты. По сути, от США требовалось «стабилизирующее лидерство». Реализации этой вызревающей миссии США помешали не только установка влиятельной части элит на изоляционизм, но и сопротивление и взаимное противоборство других, все еще могущественных в тот момент держав — прежде всего Англии и Франции, принцип «самоопределения» малых народов, породивший множество последствий, и так называемая проблема России. Но главный узел противоречий в тот решающий момент, который мог обеспечить уход от перспективы новой войны, затягивали два конкретных вопроса: сохранение колониальной системы и репарации с Германии, включая перераспределение ее колоний. Версальский мир, принудивший Германию к множеству обязательств, стал одновременно и миной замедленного действия, предвещавшей неизбежность реванша.

Для стабилизации национальных экономик, а также для нормализации и возобновления роста мировой торговли требовалось кардинально решить несколько важных вопросов. Прежде всего необходимо было, согласовав весьма противоречивые экономические интересы, создать признанные международным сообществом инструменты и институты, которые бы обеспечили регулирование тарифов и торговли и позволили кредитовать платежные балансы стран во

избежание повторения экспорта инфляции. И, что самое важное, требовалось найти решение для обеспечения международной торговли платежным и мировым резервным средством, а также разработать такую систему обменных курсов, которая была бы эффективна достаточно долгий период времени, по крайней мере 25–30 лет.

Как продемонстрировали многочисленные международные конференции и переговоры, состоявшиеся в период между двумя мировыми войнами, включая опыт Лиги наций, способность ведущих держав найти взаимовыгодные решения явно оставляла желать лучшего.

Должны были сложиться условия для принуждения правительств ведущих стран не только к плодотворной и конструктивной дискуссии по ключевым вопросам международных отношений, торговли, расчетов и инвестиций, но и к созданию реально дееспособных международных институтов, которые бы отразили доминирующую экономическую роль США.

Важнейший экономический результат Второй мировой войны — создание коалицией победителей, в том числе и с ограниченным участием СССР, системы наднациональных институтов нового поколения. Главным из них стала Организация Объединенных Наций (ООН). Бреттон-Вудское соглашение (1944) предусмотрело также создание МВФ и МБРР (1945–1946), ГАТТ (1947) и систему международных расчетов, основанных на долларе США как мировом платежном и резервном средстве. Были установлены фиксированные в определенном коридоре валютные курсы, восстановлена связь ключевых валют с золотом и установлена его фиксированная цена. К 1945 году США аккумулировали, по разным оценкам, от 70 до 85 % мировых золотых запасов. При этих условиях ФРС США становилась эмитентом мировой платежной валюты, а по сути — центральным банком мировой экономики. Доходы ФРС складывались как из эмиссии наличных денег для всей мировой платежной системы (в виде разницы стоимости выпуска одной банкноты и ее номинала,

так называемый сеньораж), так и из процентных платежей по предоставляемым займам в мировом масштабе.

По приблизительным оценкам, перед США стояла задача освоения около 40–50 % мирового экономического пространства в придачу к тому объему, который они контролировали в довоенный период. Этот революционный сдвиг ясно выразил Франклин Рузвельт: «Главные американские послевоенные интересы ныне заключаются не только в обеспечении преобладания в Западном полушарии, но и в предотвращении попадания Восточного полушария в зону контроля одной потенциально враждебной державы».

Данную задачу обосновывала идеологема либерализации мирового рынка, подразумевающая главным образом снятие преград доступа как на рынки бывших противников и их сателлитов, так и на рынки, находившиеся в зоне колониального влияния союзников США — Великобритании и Франции. На некоторый период задачами обеспечения доступа на абсолютно все рынки можно было пренебречь. В этой обстановке и возникла возможность развития «второго мира» — социалистического, с относительно обособленными контурами хозяйственной деятельности. Своего рода лимит расширения этого фрагмента мирового рынка эмпирически тоже был очевиден — 20–25 %. Вот когда глобальный капитал полностью «освоит» свои 75–80 % емкости рынка, объективно возникнет потребность в абсолютной глобализации. Случится это в конце 1980-х годов. «Драйв глобализации» продлится до начала XXI столетия.

Реальный мировой статус России и задачи системы управления

Россия относительно глубоко встроена в мирохозяйственные связи, глобальное информационное пространство и геополитические конфигурации. Это исключает сугубо автаркичные решения, но ставит ребром вопрос о характере обеспечения и уровне экономической самодостаточности, культурной идентичности, особенно в условиях санкций и информационно-политического

давления. Множественность и неоднородность угроз и возможностей для России налагается на высокую социальную неоднородность и как ее предпосылку и следствие — неоднородность целевых и ценностных ориентаций, поведенческих стереотипов и интересов ключевых групп российского общества. В результате в выборе стратегической линии развития наблюдается затянувшийся эффект «рысканий по аттрактору». При этом нарастание и осознание издержек зависимого положения в мировой конфигурации экономики и политики началось еще в конце 1990-х годов. К настоящему времени этот процесс не завершился, что и определяет сохраняющуюся сложность социального выбора.

Характеризуя развитость системы управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием по топологической шкале (по критериям «уровень решаемых задач» и «ресурсная база»), можно выделить четыре типа управления:

- соответствующее масштабу задач и ресурсному потенциалу;
- претендующее на достижение масштабных целей, но не использующее надлежащим образом имеющийся потенциал;
- не ставящее масштабных задач, но ориентированное на полную эксплуатацию потенциала;
- не ставящее задач высокого уровня и не ориентированное на полное использование ресурсного потенциала.

Следует сделать два разъясняющих замечания — о масштабе решаемых задач и характере управления использованием ресурсного потенциала.

Во-первых, о масштабе задач, решаемых системой управления. Вопрос имеет вовсе не отвлеченный характер, будучи с 2014 года одним из самых злободневных вопросов международной риторики, напрямую связанным с введением санкций против России и оценкой ее международного статуса. Речь идет о том, державой какого ранга является Россия. Классификатор по

критерию интегральной мощи государств выделяет страны в категории «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство». Исторически за каждым понятием стоит эмпирический эквивалент. В современных реалиях статус сверхдержавы имеют лишь США, приближаются к нему Европейский Союз и Китай. Россия в этом контексте в настоящее время имеет интегральную мощь в середине диапазона великой державы, при этом уровень фактора управления находится на нижней грани диапазона, уступая относительным значениям ряда других параметров.

Введение санкций против России декларативно аргументировалось ссылкой на ее статус как якобы региональной державы. Исторически и в современной дипломатии отнесение сильным участником системы международных отношений другой страны к той или иной категории означает попытку односторонней и принудительной фиксации лиги значений ее допустимого (отводимого ей) поведения. В данном случае отрицание объективного статуса России как великой державы с вытекающими отсюда правами и ответственностью в международных отношениях исключает проецирование ею силы вовне и значимую роль в определении глобальной повестки дня. Соответственно, из этого зазора между самооценкой России и ее оценкой США и их союзниками неизбежно следует не только международное противоречие, но и один из главных вызовов системе управления.

Суть этого вызова в том, какого масштаба задачи Россия может позволить себе решать и могут ли они выходить за рамки отведенного ей другими центрами силы статуса. Вокруг этого вопроса развернулась острая внутрироссийская и международная полемика. Официальный курс РФ был сформулирован как «наращивание экономического суверенитета». В прогнозе развития до 2030 года, разработанном в Евразийской экономической комиссии, были сформулированы сценарии «Собственный центр силы», «Транзитно-сырьевой мост» и «Продленный статус-кво». Хотя в реальном пространстве

события пока разворачиваются скорее в пространстве второго и третьего сценариев, превращение ЕАЭС в один из самых влиятельных мировых центров силы представляется не только желаемым, но и достижимым. Этот же вариант поддерживается установками на «сопряжение евразийской интеграции с экономическим поясом Великого шелкового пути» и выдвижением идеи «Большой Евразии». Необходимым условием его реализации является выстраивание соответствующих этой цели институтов управления развитием. Следует обратить внимание на близость стратегических вызовов современности тем обстоятельствам, которые предваряли образование СССР и Великую Отечественную войну.

В конечном счете стратегический выбор для актора с объективно высоким мировым статусом сводится к способности и готовности: 1) быть лидером в целевом секторе деятельности; 2) играть роль провинции; 3) довольствоваться статусом мировой периферии или 4) захолустья — технологического, экономического, социального, культурного. Этот выбор касается и страны в целом, и ее регионов, корпораций и в конце концов каждого гражданина. Ставка на лидерство в целевых сегментах мировой экономики и успешные действия по достижению целей являются признаком решения масштабных управленческих задач.

Во-вторых, отношение управляющей системы к ресурсному потенциалу градуируется, по сути, на его развитие, использование или эксплуатацию — более или менее беспощадную, вплоть до уничтожения. Последнее вовсе не теоретическая гипотеза, истории известно много примеров «выжженной земли» в результате человеческой деятельности. Система управления, которая ставит задачи, соответствующие объективному масштабу страны и ожиданий общества, неизбежно нацелена на увеличение, а не снижение долгосрочной ресурсной мощи страны, в том числе демографической и научно-технологической.

В предложенной топологической шкале сегодняшняя российская система управления обобщенно сочетает в себе свойства второго и третьего типов. Лишь немногие субъекты (корпорации и регионы) действуют в логике первого типа управления и имеют сильные конкурентные позиции. В результате страна представляет собой весьма неоднородное экономическое пространство, где сосуществуют технологические уклады и институты разных поколений, включая и очаговым образом сосуществующие культуры поведения. Это делает заведомо малоэффективными и попытки унифицированного решения всех проблем и тем более сброс их решения в поле рыночной самоорганизации. Решение изначально представляется множественным и требует высокой культуры и адекватности управления.

Заключение

Ныне и государство, и российское общество переживают интенсивный период самоосознания. Но стратегический выбор еще не сделан, хотя он во многом и предопределен. В элитах и обществе сохраняются заблуждения относительно возможности следования прежней экономической модели и геополитической парадигме, сводящейся к всемерной интеграции в структуры Запада, делегирования ему части своей ответственности за собственное цивилизационное развитие, предпочтения примитивной модели государственно-монополистического устройства экономики.

Проект стабилизации текущего статуса России без углубленной интеграции постсоветского пространства все еще имеет высокую привлекательность для части российской элиты. Россия, как и другие страны постсоветского ареала, до сих пор не определилась с вектором и моделью своей эволюции. Усилившиеся моменты нарочитой независимости, кое-где за пределами РФ тенденциозно трактуемой как «империализм», отнюдь не сняли

этого противоречия российской политики, которая фундаментально в установках современной элиты остается прозападной.

При некоторой привлекательности этого проекта, дающего возможность эгоистического поведения в отношении с постсоветскими государствами и пространство для маневрирования между двумя-тремя центрами силы мирового уровня, такая постановка вопроса представляется устаревшей и стратегически ошибочной.

В условиях XXI века статус «великой державы» может быть временным, транзитным состоянием либо в продвижении к сверхдержавному статусу за счет построения собственного или на кооперативных началах торгово-экономического и военно-политического блоков, либо в сползании к положению региональной державы, что рано или поздно будет означать для России отказ от ядерного статуса, значительные территориальные потери и слом цивилизационной идентичности.

Множественность акторов и их интересов в современном мире предполагает ряд сценариев развития обстановки между двумя крайностями: большой войной и сохранением состояния напряженности. Это состояние сегодня лишь с натяжкой можно называть «новой холодной войной». Не все мосты еще сожжены. Пока нет критической массы условий и факторов новой войны мирового масштаба. Происходит, правда, их накопление, аналогично «нагреванию котла», как это было перед двумя мировыми войнами XX столетия.

Ситуация осложняется и тем, что международная обстановка требует от России безусловно выполнять роль и гаранта (одного из гарантов, но критически важного), и оператора (одного из них, но критически ценного) системы поддержания мировых и региональных экономических балансов, прежде всего в военно-политической, топливно-энергетической, транспортной, космической и ряде других областей. Реальный потенциал, имеющийся у

России как у великой державы, по большинству параметров интегральной мощи позволяет успешно противостоять разжиганию войны.

Однако особенностью долгосрочной исторической динамики России является повышенная склонность ее управляющей элиты к неоправданным внешнеполитическим уступкам, чреватым принесением себя в жертву чужим геополитическим и геоэкономическим замыслам. Обычно это самопожертвование заканчивается катастрофой, преодоление которой требует перенапряжения сил. И то и другое оборачивается конкурентными преимуществами и выгодами для других заинтересованных сторон (оппонентов). Так и сегодня одним из лейтмотивов внешних и внутренних дебатов является указание на «малость» или «слабость», «зависимость», «региональность», «провинциальность», «отсталость» и прочие характеристики России, призванные в зародыше исключить нежелательный для ряда глобальных игроков сдвиг в пользу обретения Россией стратегической субъектности.

При всей непоследовательности действий высшего политического руководства РФ его стратегические императивы и понимание современного момента неоднократно были выражены вполне отчетливо. Между качеством понимания, принимаемыми решениями и эффективностью их реализации существует, однако, дистанция. В некоторых случаях эта дистанция становится непреодолимой, вызывая коллапс кажущегося всемогущим государственного аппарата.

Группа стран БРИКС, поначалу казавшаяся многим удобной умозрительно-статистической конструкцией, довольно быстро обнаружила существенный онтологический смысл. Он не сводится только к происходящему фундаментальному сдвигу в мировой экономике в пользу развивающихся стран, авангардом которых являются БРИКС и ряд других стран (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция — группа МИНТ, а также некоторые другие). В

международных отношениях также возрастает роль БРИКС как субъекта суверенной политики, альтернативной развязыванию новой мировой войны.

В этих условиях именно инициированная Россией активизация экономического и военного сотрудничества стран в рамках БРИКС, а также в рамках ЕАЭС может предотвратить втягивание их в новую большую войну.